

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ

доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор
Институт глобальных японских исследований, Университет Такусёку, Otsuka 1-7-1
G-210, Bunkyo-ku, 108-0074, Tokyo, Japan
E-mail: dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

ЦИТИРОВАНИЕ: Молодяков В.Э. (2019) Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 166–182.
DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Статья поступила в редакцию 12.07.2019.

АННОТАЦИЯ. Сочетание внутреннего политического и социального кризиса с военным конфликтом в соседней стране за наименее угрожаемой границей, при отсутствии возможности оперативно получить действенную помощь от союзников – один из худших вариантов развития событий в мирное время. В такой ситуации оказалась Франция в 1936 г. в результате победы Народного фронта на выборах и начала военного мятежа в соседней Испании, вызванного эскалацией внутривнутриполитического противостояния. Мятеж перерос в гражданскую войну, которая, несмотря на географически локальный характер, стала проблемой глобальной политики, поскольку затрагивала интересы многих великих держав и в наибольшей степени угрожала Франции. Настоящая статья излагает и анализирует позицию, которую заняли в отношении гражданской войны в Испании и предшествовавших ей событий националистическое монархическое движение «Action française» во главе с Шар-

лем Моррасом (1868–1952) и его союзники, представители следующих поколений французских националистов – философ и публицист Анри Массис (1886–1970) и писатель Робер Бразийяк (1909–1945). Все они с первого дня поддержали испанских националистов и были уверены в их победе, поэтому были против любой французской помощи, особенно военной, испанскому республиканскому правительству, пропагандировали политическую программу Франко, обличали вмешательство СССР в испанские дела и «коммунистическую угрозу». Выступая за католическое и латинское единство, французские националисты стремились не допустить сближения Франко с нацистской Германией, которую считали «наследственным врагом» Франции при любом режиме. Визиты Моррасса и Массиса в Испанию в 1938 г. и личные встречи с Франко были призваны продемонстрировать это единство с молчаливым, но явным антигерманским подтекстом. «История войны в Испании» Бразийяка (1939)

стала первым во Франции обобщающим описанием событий с националистической точки зрения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, Испания, Германия, национализм, гражданская война, Народный фронт, *Action française*, фашизм, вмешательство

Постановка проблемы

Сочетание внутреннего политического и социального кризиса с военным конфликтом в соседней стране за наименее угрожаемой границей при отсутствии возможности оперативно получить действенную помощь от союзников – один из худших вариантов развития событий в мирное время. В такой ситуации в 1936 г. оказалась Франция. 16 февраля на выборах в соседней Испании победил Народный фронт, что обострило внутривосточное противостояние, перераставшее в локальную вооруженную борьбу. 7 марта части вермахта вступили в демилитаризованную Рейнскую область. По Локарнскому договору 1925 г. это означало *casus belli*: Франция, Великобритания, Бельгия и Италия должны были объявить Германии войну, но ограничились протестами, которых Гитлер не боялся. Положение на наиболее угрожаемой границе – с Германией – резко изменилось к худшему. Отношения с Италией испортились еще в 1935 г., когда Франция осудила ее агрессию в Абиссинии – итальянская граница тоже не могла считаться безопасной. На выборах во Франции 26 апреля и 3 мая победил Народный фронт радикалов, социалистов и коммунистов. 25 мая, еще до формирования нового кабинета, коммунисты организовали волну забастовок и захватов фабрик и заводов. Наконец, 17 июля в ряде городов Испании и в испанском Марокко военные попытались захватить власть.

Мятеж перерос в гражданскую войну, которая, несмотря на географически локальный характер, стала проблемой глобальной политики, поскольку затрагивала интересы почти всех великих держав. В наибольшей степени она угрожала Франции. На этот вызов должны были отреагировать все политические силы страны, в том числе националистическое монархическое движение «*Action française*» и его союзники. Настоящая статья посвящена изложению и анализу позиции, которую заняли в отношении гражданской войны в Испании и предшествовавших ей событий вождь и идеолог движения Шарль Моррас (1868–1952) и представители следующих поколений националистов – философ и публицист Анри Массис (1886–1970) и писатель Робер Бразийяк (1909–1945), единомышленники и соратники. Основными источниками нашего исследования являются сборник статей Морраса «За Испанию Франко» (1943; подготовлен к печати в 1940), сборник статей и интервью Массиса «Вожди» (1939), «История войны в Испании» Бразийяка (в соавторстве с Морисом Бардешем; 1939), а также статьи международного аналитика газеты «*L'Action française*» (далее *LAF*, чтобы не смешивать с одноименным движением) Жака Бенвиля (1879–1936) и книги журналиста *LAF* Пьера Эрикура (1895–1965) «Почему Франко победит» (с предисловием Морраса; 1936) и «Почему Франко победил» (с предисловием Франко; 1939).

Этот вопрос остается малоизученным в зарубежной и, тем более, в российской историографии, если не считать общих указаний на позицию перестроенных авторов. Следует отметить главу «Война в Испании» в монографии американского историка Ю. Вебера «*Action française*» [Weber 1964, pp. 419–425] – первой попытке масштабного академического, «без гнева и пристрастия», изложения и анализа исто-

рии движения – и фрагменты биографий Морраса [Chiron 1999, pp. 394–397], Массиса [Toda 1987, pp. 308–312] и Бразийяка [Brassié 1987, pp. 157–163]. Однако в этих работах отношение рассматриваемых авторов к событиям в Испании недостаточно увязано с внутриполитической ситуацией во Франции и с германофобией Морраса и Массиса, что нам представляется принципиально важным. Необходимо учитывать и то, что российская историография этой проблемы унаследовала от советской преимущественное внимание к событиям внутри Испании и прореспубликанскую позицию. Признавая за историком право на любые политические взгляды, если они не влияют на качество работы, автор настоящей статьи исследует прежде всего идеологию и политику французского национализма и намерен представить новый для российского читателя материал в жанре изложения и анализа, а не «критики», как это пришлось бы сделать прежде.

Испания – Франция: параллели кризиса

Гром грянул не с «безоблачного неба над всей Испанией» (использование этой фразы в качестве сигнала к мятежу – легенда). Политические и социальные конфликты, нередко перераставшие в вооруженные, но еще не принимавшие общенациональный характер, не один год потрясали страну. Шесть с половиной лет диктатуры генерала Мигеля Примо де Риверы (сентябрь 1923 – январь 1930) обеспечили некоторую стабильность за счет модернизации экономики и хозяйства и сочетания «кнута» авторитарной центральной власти с «пряником» социальной политики, но закончились неудачей. Анализируя причины поражения Примо де Риверы, Бенвиль писал: «У него

не было ни принципов, ни учения, он не знал, куда идет, и еще меньше – куда следует идти. [...] В борьбе против оппозиции, растущую силу которой он чувствовал с каждым днем, диктатор сделал одну из грубейших ошибок в современной политике: прибег к этатизму и централизации. Это был путь к самоубийству. Примо де Ривера, веривший, что сепаратизм можно подавить, укрепил его, отказав регионам в традиционной автономии, которой они требовали. Он игнорировал формулу, без которой внутренний мир в Испании невозможен: сильная власть и автономии. Это отсутствие идей, принципов, учения и программы не позволило диктатору справиться с коалицией, сложившейся против него» [Bainville 1935, pp. 257, 260–261]. Профсоюзы, социалисты, коммунисты, анархисты, автономисты расшатывали режим извне. Изнутри против диктатора объединилась значительная часть политической, финансовой и интеллектуальной элиты, которую поддерживали армия и двор. Когда под их давлением король Альфонсо XIII 28 января 1930 г. отправил Примо де Риверу в отставку с поста главы правительства (тот уехал во Францию, где вскоре умер), «колокол прозвонил» и по монархии.

После успеха республиканцев на муниципальных выборах оставшийся без союзников король 13 апреля 1931 г. принял ультиматум победителей, передал им власть («выборы [...] ясно показали мне, что мой народ больше не любит меня») и покинул страну, но не заявил об отречении («я не отказываюсь ни от одного из своих прав»), надеясь, что его позовут обратно [Allison Peers 1937, pp. 45–46]. Моррас считал победу ложной из-за неравномерности electoralной карты для городской и сельской местности: «Побежденные в городах, монархисты сохранили огромное большинство в деревнях. Разве это

не лишает республику легитимности? Его величество Альфонсо XIII обманули» [Maurras 1943, p. 24]. Активное участие в смене власти приняла армия. 14 апреля Испания была провозглашена республикой.

Страну захлестнула волна насилия, которую власти обуздали с большим трудом. На выборах 29 июня 1931 г. в Кортесы большинство получили «левые» («Республиканский альянс» – 145, социалисты – 114, радикал-социалисты – 56 мандатов) [Allison Peers 1937, p. 61]. Два с половиной года их пребывания у власти ознаменовались репрессиями против аристократов-землевладельцев (аграрная реформа с переделом их земель оказалась неэффективной) и церкви (изгнание иезуитов, лишение других орденов права заниматься образовательной деятельностью). Внутреннюю нестабильность усилили аграрные, классовые и национальные (особенно в Каталонии) конфликты, с которыми «левые» не смогли – а по мнению противников, не хотели – справиться. Выборы 19 ноября 1933 г., итоги которых из-за повторных голосований были официально объявлены лишь через три недели, принесли успех «правым» республиканцам: 207 мандатов против 167 центристов и 99 «левых», включая 58 социалистов [Allison Peers 1937, p. 142]. Формирование правительства логично было поручить лидеру «Народного католического действия» Хосе Марии Хиль-Роблесу, возглавившему предвыборный блок «Испанская конфедерация независимых правых». Однако президент Нисета Алькало Самора «явно не доверял ему как государственному деятелю и испытывал к нему личную антипатию» [Allison Peers 1937, p. 145], а потому выбрал ветерана парламентской политики Алехандро Лерруса, вождя радикалов как самой многочисленной партии. «Он упустил свой час», – оценил Бенвиль позицию

Хиль-Роблеса, не ставшего бороться за власть [Maurras 1943, p. 21].

«Два года правления “левых” были годами больших надежд и жестоких разочарований. Два года правления “центристов” стали годами монотонной депрессии», – констатировал британский историк и современник событий Эдгар Аллисон Пирс, книга которого «Испанская трагедия» с осени 1936 г. по весну 1937 г. выдержала шесть изданий [Allison Peers 1937, p. 144]. Правительство остановило и частично отменило некоторые реформы, начатые «левыми», подавило восстание шахтеров в Астурии в 1934 г., но было вынуждено предоставить Каталонии автономию в ответ на попытку провозглашения 6 октября 1934 г. Каталонского государства в составе Федеральной Испанской республики [Allison Peers 1937, pp. 164–165]. «У каталонцев, – писал Моррас, – есть верная идея – регионалистская идея, предполагающая децентрализацию. Они имели несчастье позволить себе воплощение этой идеи через революцию» [Maurras 1943, p. 105]. Каталонская Регионалистская лига еще до Первой мировой войны заимствовала аргументы из работ провансальца Морраса, который вдохновлялся идеями провансальца Фредерика Мистралья, сочувствовавшего каталонским автономистам. «Его (Мистралья. – В.М.) федерализм был задуман и организован как прямой антипод анархии», – подчеркнул Моррас, выразив надежду, что «советники генерала Франко будут достаточно прозорливы, чтобы вспомнить, что если единство есть единство, то необходимо, особенно в Испании, поддерживать его свободами, дабы оно стало прочным и длительным. [...] Франция заинтересована в независимости и единстве Испании. Ей не нужны ни всеобщая анархия, ни баскский или каталонский сепаратизм, от которых можно ждать лишь большого беспокойства. Ей

выгодно, чтобы испанцы жили в мире и согласии» [Maurras 1943, pp. 98–99, 137].

Французские аналитики видели в происходящем за Пиренеями сходство с событиями в собственной стране. Выборы 1932 г. принесли победу Левому блоку, но чехарда (как и в Испании) кабинетов, сменявших друг друга из-за проблем в экономике и коррупционных скандалов, закончилась кризисом 6 февраля 1934 г. – массовыми демонстрациями в Париже с участием «Action française», при разгоне которых было применено оружие. Власти объявили их «фашистским путчем против Республики», но премьеру Эдуару Даладье пришлось уйти в отставку. Новый кабинет национального единства возглавил экс-президент Гастон Думерг: политический маятник качнулся вправо. «Левые» приготовились к реваншу и 14 июля 1935 г. заявили о создании Народного фронта в качестве блока для следующих выборов.

Испанские «центристы», подвергавшиеся атакам и «слева», и «справа», оказались столь же бессильными, как и их предшественники. Идеологическая консолидация «правых» в первой половине 1930-х гг. происходила под влиянием идей Морраса, воплощавших для них Порядок против Хаоса. Создатель концепции «Испанидад» Рамиро де Маэсту, назвавший свою организацию «Испанское действие», популяризировал через одноименный журнал труды идеологов «Action française» Морраса, Бенвиля, Леона Доде и близких к движению Пьера Гаксотта и Абеля Боннара. Эухенио Вегас Латапие, увлекшийся идеями Морраса во время обучения во Франции, обратил на них внимание лидера монархического «Обновления Испании» Хосе Кальво Сотело, который познакомился с патриархом «Action française», оказавшись в эмиграции после падения монархии. Изучали их и в «Испанской фаланге» Хо-

се Антонио Примо де Ривера, сына экс-диктатора [Brasillach 1969, pp. 15, 45; Héricourt 1939, p. 241].

Испанские «левые» готовились к реваншу не менее активно, чем французские, но их Народный фронт, провозглашенный 16 января 1936 г., был «левее», т.к. включал анархистов и не включал радикалов. «С одной стороны, блок “правых”, с другой стороны, блок “левых”, посредине раздавленные ими “центристы”. Хиль-Роблес против Ларго Кабальеро (лидер социалистов. – В.М.) зажали в угол окаменелых радикалов Лерруса и ничтожных консервативных республиканцев Мигеля Мауры, – так в тот же день Бенвиль, которому оставалось жить три недели, описал предвыборную ситуацию. – [...] Или диктатор от реакции, или диктатор от революции. Одно хуже другого для Франции, которой хватает подобных примеров у своих дверей. Учитывая то, что мы знаем об их характере и темпераменте, испанцы вряд ли без сопротивления подчинятся большевистской диктатуре, вырастающей из социалистического и коммунистического восстания в Астурии. Возможность гражданской войны очень велика» [Maurras 1943, pp. 11–12]. Однако маятник качнулся влево, и на выборах 16 февраля, до которых прозванный «Кассандрой» Бенвиль не дожид, победил Народный фронт при поддержке баскских автономистов. «В ноябре 1933 г. избиратели надеялись получить нечто лучше того, что имели ранее. В феврале 1936 г. они были уверены, что хуже быть не может» [Allison Peers 1937, pp. 143–144]. Даже прибегнув к насилию, «левые» собрали меньше голосов, чем «правые» (4 497 696 против 4 570 744), но, используя неравномерность электоральной карты и повторное голосование, получили 256 мандатов против 165 у «правых»; в наибольшем проигрыше оказались «центристы» [Allison Peers 1937,

р. 190]. «Ни в 1936 г., ни в 1931 г., испанские “красные” не смогли ни установить моральную и правовую значимость своей власти, ни подтвердить ее. А им наплевать!» – суммировал Моррас [Maurras 1943, p. 29].

Несмотря на большинство в Кортесах, замену на посту президента «центриста» Алькало Саморы на «розового» премьера Мануэля Асанью, масштабную амнистию, чистку государственного аппарата, ротацию армейских кадров (начальник генерального штаба Франсиско Франко был отправлен командовать войсками на Канарские острова), арест Хосе Антонио, «левые» не принесли стране стабильность. «Самые мрачные предсказания оправдывались, – писал Ю. Вебер, которого нельзя назвать апологетом националистов. – [...] Худший вид анархии воцарился у врат Франции и за ее спиной, когда рецидивисты оказались на свободе для совершения самых ужасных преступлений: убийства на улицах стали повседневностью, осквернения и поджоги церквей и монастырей воспринимались как нечто само собой разумеющееся» [Weber 1964, p. 419]. Разгрому подвергались редакции неугодных режиму газет, политические офисы оппозиции, дома «правых» активистов. Счет убитых шел на сотни, раненых на тысячи. «Правительство все меньше контролировало ситуацию, а экстремисты организовывались для захвата власти. [...] За периодом неорганизованной эйфории весны 1936 г. последовала фаза технической подготовки, в которой дело было лишь за окончательным выбором даты и благоприятных обстоятельств» [Brasillach 1969, pp. 62, 64].

Слишком «левый» даже для «центристов» и слишком «правый» даже для социалистов Асанья больше походил на Керенского, чем на Ленина. Поэтому подготовка к захвату власти шла с обеих сторон. «Слева» ее возглавили

коммунисты и анархисты, враждовавшие между собой. «Справа» инициативу взяли в руки военные во главе с генералом Хосе Санхурхо, находившимся в Португалии после неудачной попытки переворота 10 августа 1932 г.: «левые» посадили его в тюрьму, «правые» освободили, но отправили в изгнание. Несмотря на сотрудничество с монархистами и фалангистами, большинство военных заговорщиков выступало не против республики как таковой и не за реставрацию монархии, но против конкретного правительства, которое, по их мнению, вело страну к гибели. «Политизированная армия изначально не была врагом режима. Она участвовала в свержении монархии и несомненно думала, что получит власть. Надежды обманулись, и верность генералов республике имела основания остыть. Они не стали принципиальными противниками режима, и только его эволюция объясняет изменение отношения генералов к нему» [Brasillach 1969, p. 30].

Вернувшийся домой в 1934 г. по амнистии и получивший депутатский мандат, Кальво Сотело стал трибуном крайне «правых», осуждавших бездействие Хиль-Роблеса. Убийство Кальво Сотело республиканскими гвардейцами 13 июля 1936 г. никого не удивило, но побудило заговорщиков действовать быстрее. Предпринятая 17–20 июля попытка армии и националистов свергнуть власть Народного фронта по всей стране не удалась; к тому же 20 июля Санхурхо погиб в авиакатастрофе при вылете из Лиссабона. Испания раскололась. «Белые» контролировали ряд провинций на севере и северо-западе, включая часть границ с Францией и Португалией, крайний юг, испанское Марокко, Балеарские и Канарские острова. «Красные» удерживали большую часть страны с Мадридом, Барселоной и всем средиземноморским побережьем. «Гражданская война

не может быть выиграна, пока не взята столица», – отметил Бразильяк [*Brasillach* 1969, p. 296].

Каталония не поддержала Франко не потому, что была верна идеалам республики или законному правительству, а потому что слабая центральная власть позволяла ей стать независимой, чего «белые» не допускали. Началась самая «большевистская» часть гражданской войны – каталонская революция не только против Франко и церкви, но против Мадрида и вообще против власти, которую затеяли анархисты, троцкисты и криминальные элементы и которую позднее взяли под контроль коммунисты при поддержке советских военных советников, офицеров НКВД и эмиссаров Коминтерна, включая французского депутата Андре Марти [*Brasillach* 1969, pp. 206–219].

Кампания французских националистов против военной помощи республиканцам

19 июля 1936 г. «левый» республиканец Хосе Хираль, занимавший пост морского министра и сумевший удерживать большую часть флота на стороне правительства, возглавил кабинет и запросил военную помощь у Франции. «Кассандра» Бенвиль предвидел такой сценарий еще в январе: «Вообразим в Париже настоящее правительство Народного фронта. Ему придется вмешаться в испанские дела на стороне своих братьев по революции. В то же время оно, возможно, разожжет пламя войны с Италией во имя антифашистского крестового похода» [*Maurras* 1943, p. 19]. Премьер Леон Блюм поручил министру авиации Пьеру Коту приступить к переброске самолетов мадридским товарищам, которые надеялись на авиацию как на средство устрашения мятежных городов. Эмиссары тайно

прибыли в Париж, но сотрудники испанского посольства, сочувствовавшие восставшим, сообщили об этом в прессу [*Brasillach* 1969, pp. 235–246]. Неудивительно, что они выбрали *L'AF* – самую интеллектуальную и влиятельную «правую» газету Франции, позиция которой транслировалась через более массовые издания, а круг читателей охватывал всю элиту страны, включая непримиримых противников. Это отчасти компенсировало малый политический вес движения, не представленного в парламенте и имевшего там лишь немногочисленных союзников, особенно после запрета в начале 1936 г. всех организаций и групп поддержки «*Action française*».

Мастер журналистских расследований Морис Пюжо уже 22 июля 1936 г. оповестил читателей об испанских гостях: «Чего они хотят? Денег, пушек, самолетов? Чего бы они ни хотели, французы запрещают правительству еврея Блюма давать им это. Не потому что “восставшие” испанцы – “фашисты”, а потому что “восставшие” в случае победы станут завтрашним правительством Испании и не простят Франции содеянного» [*Weber* 1964, p. 421].

«*Action française*» с первого дня поддерживало националистов, видя в их выступлении «религиозную войну». «Вот добро. Вот зло. Надо выбирать между ними, – писал Моррас, предваряя книгу Эрикура “Почему Франко победит”. – Это не значит, что хорошие безупречны, а плохим недоступны добродетель и честь. Но одни правы, а другие неправы. Надо желать, чтобы добро победило, а зло было повергнуто во прах» [*Héricourt* 1937, p. 11]. Моррас и его единомышленники не только желали победы «белым», но и не сомневались в ней – во всяком случае публично – а потому считали опасным конфликтовать с ними. Не менее опасным, чем ссора с «завтрашним правительством Испании»,

они полагали возможное вмешательство Москвы, Рима и Берлина, чреватое превращением локального конфликта в европейскую войну.

Многие французы искренне приняли сторону республиканцев, выступали за оказание им помощи, участвовали в интернациональных бригадах. Помощь из-за рубежа шла через французскую территорию, поэтому оппозиционная Народному фронту пресса утверждала, что ввезенные из СССР оружие и боеприпасы предназначены для будущей революции во Франции. «Франция интересуется нас куда больше, чем Испания», – цитировал Моррас одного из московских эмиссаров [Maurras 1943, p. 54]. Даже если информация была ложной, опасения оставались реальными. Моррас посвятил этому статью «Когда Советам вход открыт» [Maurras 1943, pp. 49–65], а Эрикур книги «Зачем лгать? Франко-советская помощь красной Испании» (1937) и «Советы и Франция – поставщики испанской революции» (1938).

Италия и Португалия выступили в поддержку мятежников, вспомнив о латинской и католической солидарности. Моррас опасался, что политика Блюма окончательно отвратит «латинских сестер» от Франции. Ценимый им Салазар избегал конфликтов с Парижем. Позиция Муссолини, обозленного поддержкой санкций против Италии и постоянными нападками на него во французской прессе, стала враждебной. «Правые» восхищались дуче, но не могли игнорировать выпады против их страны. В 1936 г. они еще надеялись на компромисс или сотрудничество между Парижем и Римом. Политика Блюма, лично ненавидевшего итальянского диктатора, похоронила эти надежды.

Наибольшую опасность с точки зрения «Action française» представлял Третий Рейх, ибо движение объединяло самых непримиримых германофо-

бов, видевших интриги «бошей» везде и во всем. Гитлер сразу вызвался оказать военную помощь националистам ради борьбы с коммунизмом. Посол в Лондоне Иоахим фон Риббентроп попытался отговорить его: «Я боялся новых осложнений с Англией, поскольку там германское вмешательство, без сомнения, будет рассматриваться как очень нежелательное». «Если создать коммунистическую Испанию действительно удастся, то при нынешнем положении во Франции большевизация и этой страны тоже всего лишь вопрос времени, ну а тогда дела Германии плохи!» – парировал фюрер. На возражения о том, что «французская буржуазия – все-таки достаточно сильная гарантия против окончательной большевизации этой страны», Гитлер «реагировал довольно нервозно и резко оборвал разговор» [Риббентроп 1996, с. 73–74]. Морраса беспокоила не только «большевизация» Франции, но и возможное появление немцев на ее южной границе, поскольку националисты предпочтут союзников в Берлине противникам в Париже. Однако безусловно поддерживавшая «белых» L'AF предпочитала не затрагивать больной вопрос германской помощи им, которая служила противникам одним из главных аргументов: «продались немцам».

Кампанию против военных поставок Мадриду поддержала вся «правая» пресса, многие депутаты и сенаторы. Сообщив 30 июля 1936 г. на страницах L'AF о появлении в Испании немецких и итальянских самолетов, Пюжо объявил причиной этого «идиотское упрямство» Блюма и Кота. С оглядкой на позицию Лондона, премьер 10 августа провозгласил «невмешательство» и передал помощь в частные руки. «Правительства могли утверждать, что остаются нейтральными, и эта видимость имела как минимум одно серьезное преимущество, не давая войне в Испа-

нии перерасти в европейскую» [*Brasillach* 1969, p. 246]. Одобрив (редчайший случай!) слова Блюма, Моррас заявил, что Франция не должна ни под каким предлогом вмешиваться в испанские дела, даже если это сделают другие страны. «Соратники “*Action française*” во все глаза наблюдали за портами, пограничными вокзалами и аэродромами, следя, чтобы оружие не покинуло страну, а любые попытки вывоза были наверняка преданы огласке. [...] Возможно, этим “*Action française*” в наибольшей степени способствовало победе националистов, поскольку его непримиримость к любой помощи Испании помешала всем сколько-нибудь значимым поставкам армии республиканцев», – сделал вывод Ю. Вебер [*Weber* 1964, pp. 421–423].

«Ваш друг Морис Пюжо провел важную кампанию, которая сослужила огромную службу вашей стране. Иначе случился бы опасный разрыв, полный разрыв между Францией и завтрашней Испанией, несмотря на все наши личные усилия. Конечно, мы, вожди, отлично понимаем истинное настроение умов во Франции, мы умеем видеть различия, но порой не в состоянии заставить народ и армию понять их. Эти поставки оружия в Ирун и Барселону, эта переброска самолетов, эти гражданские пилоты, записавшиеся в ряды “красных”. [...] Этот прием, оказанный людям, которые в одном месте переходят границу с оружием в руках и которым вы позволяете вернуться в другом месте, чтобы воевать против нас» [*Héricourt* 1937, pp. 77–78]. Так в августе 1936 г. говорил Эрикуру, которого *L'AF* отправила на занятую националистами территорию, генерал Гонсало Кейпо де Льяно, в прошлом участник заговора против короля и глава военного кабинета президента республики. В «Испанском дневнике» Михаил Кольцов называл генерала «пьяницей, нар-

команом, садистом и похабником», а его выступления по радио «солдафонскими остротами и грозными матюками», однако позднейшие исследователи признают его успехи и как военачальника, и как администратора. «Уникальный человек: мужество, ум, власть, отвага», – писал Моррас о генерале в статье «Пример героизма» [*Maurras* 1943, pp. 123–127].

Составленная из репортажей книга Эрикура «Почему Франко победит» – это «Испанский дневник» наоборот, фактически ценное, но идеологически ангажированное, пропагандистское произведение. Поделившись 4 сентября впечатлениями в эфире «Радио Севилья», Эрикур предсказал «полную и окончательную победу национальной Испании» – первым из французских журналистов, о чем любил напоминать. Книгу открывало предисловие «заклученного Морраса», о чем извещала брошюрная надпись на обложке; текст помечен 28 октября 1936 г., за день до ареста автора по приговору суда из-за статей против Народного фронта и лично Блюма. «Французскому общественному мнению стыдно довольствоваться официальными коммюнике наших сообщников кровавых мерзавцев из Мадрида, – с обычным темпераментом писал Моррас, – и позволять кормить себя сказками о “мятежниках” и “генералах, изменивших присяге”, брехней о “законном правительстве” и “верной” армии. [...] Пьер Эрикур и наши национальные писатели приняли сторону добра и правды» [*Héricourt* 1937, pp. 8, 11]. Не ограничившись этой констатацией, Моррас объяснил, почему одобряет позитивную программу националистов. Его привлекало «постоянное сотрудничество всех классов, всех составных частей нации, от мала до велика. Ни либерального индивидуализма, ни революционного синдикализма, ни корпорация – братская корпо-

рация [...] братство, которое рождается из национального духа и национального чувства» [Héricourt 1937, p. 13]. Он также выразил надежду на восстановление монархии в Испании (подробнее [Maurras 1943, pp. 188–191]).

Французские апологеты «белой» Испании

Вторую часть статьи «Пример героизма» Моррас посвятил самому известному («распиаренному», выражаясь современным языком) эпизоду начального этапа гражданской войны – 70-дневной обороне «белыми» в июле-сентябре 1936 г. крепости-дворца Алькасар в Толедо. Ей руководил начальник военной школы полковник Хосе Москардо, который возглавил выступление националистов в городе, а после неудачной попытки взять власть закрепился в Алькасаре и выдержал осаду до прихода франкистов. Моррас назвал оборону «уроком сверхчеловеческого героизма и чисто человеческой верности», добавив: «Возгордимся выпавшей нам честью дышать воздухом одного времени с этими несравненными людьми». И процитировал свою статью от 20 сентября, когда осада продолжалась, но исход уже был ясен: «Наши братья, традиционалисты, националисты, монархисты Алькасара должны быть отмечены в приказе по Цивилизации. Осада, которую они выдержали! Ужасы, которые они вытерпели! Уговоры и искушения, которые они отвергли! Спокойная, неколебимая, невозмутимая решимость этих нескольких сотен, с которыми были женщины и дети! Вера без надежды! И вопреки всему огонь высшей надежды, который они поддерживали горящим! Это сочетание наивысших качеств показывает, какое величие человек может противопоставить наихудшей ярости судьбы» [Héricourt 1937, pp. 15–16].

По горячим следам Массис (идея принадлежала ему) и Бразийяк написали книжку «Кадеты Алькасара», разошедшуюся тиражом 60 000 экземпляров и переведенную на испанский, английский, итальянский и шведский языки [Toda 1987, pp. 309–310]. «Среди покупателей были любители военных историй, но также французские католические националисты, для которых война стала крестовым походом против современных неверных – марксистов» [Brassié 1987, p. 148]. «Если бы я был диктатором, кинопромышленником или просто богачом, я бы сделал фильм во славу толедских кадетов, – писал Бразийяк другу. – [...] Они стали кронштадтскими моряками фашизма» [Brassié 1987, p. 148]. Эту мысль Бразийяк, знаток и ценитель советского кино, развил в послесловии к книге: «Только русский большевизм понял силу зрительных образов. От восставших “Потемкина” до “Кронштадтских моряков” (под этим названием во Франции шел фильм «Мы из Кронштадта». – В.М.) целая галерея символов была представлена массам, чтобы восславить его деяния и распространить его мистику. Героям этого примитивного человечества, которое чтит только мятеж и оправдывает жертвы только для разжигания инстинктов, не пора ли противопоставить других героев, людей, которые знают, за что умирают, знают ценность того, что защищают? Пусть большевики празднуют свое. Отдавая должное любой храбрости и презрению к смерти, не забудем, что лишь дело создает мученика. Не все жертвы надо чтить одинаково, и мы всегда предпочитаем те, которые освещены высоким и чистым разумом. У нас, людей Запада, теперь есть свои “Кронштадтские моряки”: это герои Алькасара. [...] Толедские кадеты сражались не только за Испанию: они защищали католический Запад. [...] В крестовом походе

против большевизма [Испания] отстаивала честь первого удара и первой победы» [Massis Brasillach 1936, pp. 91–92].

«Белая» Испания радушно принимала сочувствовавших ей французов. В их числе: один из руководителей «Action française» Максим Реальдель Сарте; член Французской Академии прозаик Клод Фаррер; романист и очеркист Рене Бенжамен, автор книги о Моррасе; братья Жером и Жан Таро, написавшие книгу «Жестокая Испания»; депутаты Ксавье Валла и Пьер Тетенже; сенатор Анри Лемери, «маленький антигитлеризм» [Aron 1954, p. 31] и противник любой помощи республиканцам. «Никто из них не принимал безоговорочно нашу политическую систему, – вспоминал тогдашний министр внутренних дел Рамон Серрано Суньер, свояк Франко, – многие прямо расходились с ней, но и те, и другие, воодушевленные дружескими чувствами к Испании, которых мы никогда не забудем, старались отделить свою страну от правительства Народного фронта» [Serrano Suñer 1947, pp. 74–75].

Испания привлекала французских «правых» как пример объединения националистов в борьбе с общим врагом, а Франко – хотя открыто об этом не говорилось – как любимый герой Морраса генерал Джордж Монк, вернувший британский престол Стюартам. «А теперь, французы, думайте и решайте. Торопитесь – время поджигает! Завтрашняя свободная Испания просит одного – жить в дружбе с Францией. [...] Это насущный вопрос, решение которого в наших руках. Сумеем ли мы после стольких ошибок осуществить необходимое возрождение? Сумеем ли оценить пример, который подал нам мужественный народ? Или, напротив, останемся недостойными своего прошлого?» [Héricourt 1936, pp. 141–142]. Эти слова Эрикура относились не только к необходимости дружить с Испанией ради обеспе-

чения безопасности французских владений в северной Африке, о чем шла речь в предшествующем им абзаце, но намекали на «необходимое возрождение» в самой Франции.

Моррас поддерживал выступления «в поддержку Испании и латинства», «против анархии и варварства» [Maurras 1943, p. 149]: поездку Реальдель Сарте [Maurras 1943, pp. 199–201], восторженный очерк Фаррера «Визит к испанцам (Зима 1937 г.)» [Maurras 1943, pp. 139–140], книгу генерала Мориса Дюваля «Уроки войны в Испании» (1938). «В нескольких четких формулировках, секретом которых он владеет, наш выдающийся друг (Дюваль. – В.М.) показал, как победы испанской националистической контрреволюции символизируют преимущества организации, интеллекта, науки, всех нравственных и умственных рычагов цивилизации над силами разрушения, даже имеющими количественное преимущество. Было время, когда Народный фронт располагал большей частью наличных ресурсов Испанской республики, но не смог использовать их. Его невежество оказалось сильнее всех этих богатств. Русское государство тоже ничего не смогло. Разрушение победили все те силы и формы порядка, которые были в руках генерала Франко и которыми этот выдающийся человек войны и мира сумел распорядиться» [Maurras 1943, pp. 147–148].

Утверждения Морраса соответствовали истине. Замена Хирала 4 сентября 1936 г. в качестве премьера на Ларго Кабальеро и окончательный переход центрального правительства в руки социалистов ничего не решали, потому что оно потеряло контроль над страной. Подлинная власть на территории «красных», как в Каталонии, сосредоточилась в местных «советах обороны», где боролись друг с другом анархисты, троцкисты и коммунисты. Бессилие централь-

ной власти, распад государственного аппарата, отсутствие единого командования и постоянная внутренняя борьба привели к тому, что положение «красных» становилось все хуже, в то время как «белые» консолидировались. 18 ноября Германия и Италия официально признали режим Франко. Замена Ларго Кабальеро на Хуана Негрина 17 мая 1937 г. не спасла ситуацию. Почти не осталось надежд и на помощь Франции, где Блюм в феврале 1937 г. был вынужден признать провал своей экономической политики, а 21 июня после вотума недоверия в Сенате уступил пост радикалу Камиллю Шотану.

Возвращение Блюма в кресло премьера 13 марта 1938 г., сразу после аншлюса Австрии, давало республиканцам надежду. «Его первыми гостями были два министра из Барселоны (куда переехало правительство. – В.М.), примчавшиеся в Париж чтобы забить тревогу, – вспоминал депутат-радикал Жан Монтиньи. – Или французская армия немедленно вступит в Каталонию, или Франко вскоре овладеет всей испанской территорией. Блюм и его министр иностранных дел [Жозеф] Поль-Бонкур твердили: “Все, что угодно, даже война, но только не новый успех фашистов!” Однако политика, чреватая столь тяжкой ответственностью, требовала очень широкого большинства» [Montigny 1966, p. 125]. Уже 15 марта на заседании Верховного совета национальной обороны Блюм поставил вопрос: «Каким образом мы можем предъявить генералу Франко ультиматум: “Если вы в двадцать четыре часа не откажетесь от использования иностранных сил, Франция возвращает себе свободу действий (т.е. отказывается от «невмешательства». – В.М.) и оставляет за собой право принять любые меры по вмешательству, которые сочтет полезными”? Это будет маневр того же рода, что канцлер Гитлер успешно применил

в Австрии». Главнокомандующий генерал Морис Гамелен остудил его пыл: «В нормальных условиях Франция располагает действующей армией в 400 тысяч человек, Германия – в 900 тысяч. Если мы хотим сыграть в такую игру, нам нужен миллион человек». Его поддерживали командующие флотом и авиацией. Затем премьер спросил, станет ли французское вмешательство *casus belli* в отношениях с Берлином и Римом. «Несомненно», – ответил генеральный секретарь МИД Алексис Леже [Gamelin 1946, pp. 325, 328]. Блюм пытался привлечь оппозицию патриотической риторикой, но та отвергла предложенный курс как чреватый войной и выгодный только СССР. Против интервенции выступила Великобритания, не желавшая ставить под угрозу Гибралтар и торговлю с режимом Франко [Brasillach 1969, pp. 418–426]. 17 марта Блюм огласил в Палате депутатов программное заявление кабинета, где об интервенции уже не говорилось, и в тот же день тайно одобрил переправку добровольцев, оружия и боеприпасов в Каталонию [Montigny 1966, pp. 126–130]. Его правительство продержалось четыре недели.

Авторы, которым посвящена наша статья, посетили «белую» Испанию в 1938 г. Моррас 3–6 мая проехал почти 1200 километров по маршруту Сан-Себастьян – Бургос – Сарагоса – Сан-Себастьян вместе с Реаль дель Сарте и Эрикуром; журналисты фиксировали каждый шаг [Maurras 1943, pp. 202–228]. «Посла подлинной Франции», как его именовали газеты, встречали с официальными почестями, включая воинские. В зону боевых действий гостя возил сам генерал Москардо, герой обороны Толедо. Его приняли Серрано Суньер, которому запомнился «выдающийся политический мыслитель, настроенный более антигермански, чем любой другой француз» [Serrano Sunyer 1947, pp. 74–75], министр иностран-

ных дел Франсиско Гомес-Хордана и, наконец, Франко, любивший имени-
тых визитеров. После обмена любез-
ностями Моррас спросил каудильо о
планах переустройства Испании, о чем
тот охотно рассказывал. «Немного най-
дется людей, более одушевленных во-
лей к порядку, более человеческих и бо-
лее внимательных к страданиям наро-
да», – суммировал гость свои впечатле-
ния, отметив близость их социальных
программ [Havard de la Montagne 1950,
р. 156]. Другой важной темой стала не-
обходимость единства латинских на-
родов [Maurras 1943, pp. 205–206]. Ис-
панские интеллектуалы-националисты
говорили, как важен им опыт «Action
française». Королевская академия мо-
ральных и политических наук еще в
марте 1938 г. избрала Морраса членом-
корреспондентом.

Французские националисты и германский фактор войны в Испании

Одним из главных аргументов ре-
спубликанских апологетов было то,
что в случае победы «белых» Испа-
ния станет союзником Италии и Гер-
мании и, следовательно, врагом Фран-
ции, у которой появится еще одна угро-
жаемая граница. «Национальная Ис-
пания никогда не собиралась ни напа-
дать на Францию, ни позволять кому-
либо использовать для этого свою тер-
риторию. Ни с какой державой нацио-
нальная Испания не заключала согла-
шений, которые хоть как-то ограничи-
вали бы ее полную свободу действий,
будь то в политическом или экономи-
ческом отношении», – говорилось в по-
слании Франко, врученном 2 апреля
1938 г. французскому дипломату Эм-
мануэлю Перетти де ла Рокка [Bras-
lach 1969, p. 429]. «Подлинной Франции
нечего опасаться нас», – повторил кау-

дильо 2 февраля 1939 г. в предисловии
к книге Эрикура «Почему Франко по-
бедил» [Héricourt 1939, pp. 9, 134–135].
Но, констатировал Эрикур, «наше пра-
вительство Народного фронта сделало
все возможное, чтобы бросить вожда
завтрашней Испании в объятия Гитле-
ра» [Héricourt 1939, p. 134].

Моррас обходил эту проблему сто-
роной – возможно, потому что его гер-
манофобия могла поставить в нелов-
кое положение франкистов, получав-
ших помощь от Третьего Рейха. Эри-
кур в августе 1936 г. в ответ на прямую
вопрос услышал: «Тем, кто скажет вам,
что мы подпадаем под немецкое влия-
ние, отвечайте без колебаний, что все
лидеры испанских “правых” приверже-
ны латинскому и моррасовскому духу»
[Héricourt 1936, p. 133]. Германский по-
сол генерал Вильгельм фон Фаупель,
которого «красная» пропаганда называ-
ла «гауляйтером Испании», полагаясь
на симпатии части фалангистов к на-
цизму, «давал непрошенные советы» не
только им, но и самому каудильо, по-
этому тот добился его отзыва [Serrano
Suñer 1947, pp. 47–49]. «Человек вроде
Франко, – заключил Массис, – не позво-
лит иностранцу, кем бы тот ни был, по-
кушаться на духовную целостность Ис-
пании» [Massis 1939, p. 150]. Не чувство-
вавшее ни латинской, ни католической
солидарности, руководство Рейха виде-
ло в Испании полигон для подготовки к
будущей войне. Понимавший это Фран-
ко осенью 1940 г. отказался вступить в
войну против Великобритании и пропу-
стить вермахт через свою территорию к
Гибралтару, чем несомненно помог бу-
дущей победе «союзников».

Двумя годами ранее опасность его
союза с Берлином казалась реальной,
поэтому в июле 1938 г. Массис прямо
спросил Франко об этом. Назвав «под-
линными врагами цивилизации» ком-
мунистов и посоветовав, пока не позд-
но, учесть опыт Испании, каудильо от-

ветил: «Франция не хочет знать никакой другой опасности, кроме германской. Французы, похоже, ничего так не боятся, как влияния Германии на нашу страну из-за той помощи, которую она нам оказала. Как мы можем забыть эту помощь? В особенно опасный и смутный час она дала нам то, чего нам не хватало, а нам не хватало всего... Да, у нас была вера в победу, но ничего более». «Разве в интеллектуальной сфере, – продолжал гость, – престиж германизма у вас не может вырасти?» И получил ответ: «Это присуще лишь отдельным лицам, и то в силу научных или технических резонансов, а не духовной близости. Наши мировоззрения, наши национальные традиции, наши характеры слишком различаются, чтобы между нами когда-либо могло установиться глубокое взаимодействие» [Massis 1939, pp. 148–149].

Помимо отношений с Германией французов волновали отношения Франко с «фашизмом»: кавычки уместны, поскольку речь шла не о конкретном режиме или учении, но о символе всего плохого. «Наше движение не подпадет под иностранные влияния... Ни “фашизация”, ни тем более “нацизация” ему не угрожают, – заверил кавычником. – Фашизм, коль скоро используется это слово, принимает там, где он проявляется, разные облики в зависимости от страны и национального темперамента. По своей сути это защитная реакция организма, проявление желания жить, а не умирать, которое в определенный час охватывает весь народ. Каждый народ реагирует по-своему, в соответствии с собственным представлением о жизни. Наше восстание происходит из испанского сознания! Что общего у него может быть с гитлеризмом, который прежде всего является реакцией германского сознания на положение вещей, вызванное поражением, отречением и безнадежностью?»

Указав на антикатолическую позицию нацистов, вызванную религиозным расколом Германии и ролью католиков в политике веймарской эпохи, Франко подчеркнул: «Мы находим наше единство и наше братство в католицизме... Там же мы находим наше представление о мире и жизни. Этого католического характера уже достаточно, чтобы отличить от муссолиниевского этатизма или гитлеровского расизма нашу испанскую революцию, которая является интегральным возвращением к подлинной Испании, тотальной реконкистой» [Massis 1939, pp. 150–152].

В июле 1938 г. в Испанию отправились Бразийяк, Бардеш и журналист Пьер-Антуан Кусто для подготовки специального выпуска «во славу Испании» еженедельника «Je suis partout», близкого к *L'AF*, но эволюционировавшего в сторону фашизма [Diudonnat 1973, pp. 147–148]. Не ограничившись Бургосом и Сан-Себастьяном, они при содействии властей проехали по местам боев, включая Толедо, где беседовали с участником обороны Альказара, и передовые позиции в университетском городке Мадрида, где над головами визитеров летали пули [Brasillach 1969, pp. 371–373]. «Это было великодушное путешествие», – вспоминал Бразийяк в книге «Наше предвоенное» (1941) [Brasillach 1968, p. 217] и повторил заключительные слова «Истории войны в Испании»: «Люди нашего времени нашли в Испании средоточие отваги, величия и надежды» [Brasillach 1969, p. 470]. Объем накопленных материалов побудил Бразийяка и Бардеша написать обобщающую книгу о гражданской войне с точки зрения националистов, что диктовалось не только идеологическим, но и коммерческим расчетом. «История войны в Испании» вышла в июне 1939 г., когда внимание было приковано к другим странам и событиям.

«Франко у врат Франции заставил открыться даже те глаза, что решили оставаться закрытыми» [Brasillach 1969, p. 446]. 24 февраля 1939 г., уже после отъезда республиканского правительства из страны, Палата депутатов проголосовала за признание режима Франко и установление с ним дипломатических отношений. Послом был назначен маршал Филипп Петэн, которому предстояло растопить лед недоверия в двусторонних отношениях и, что более важно, «отвратить Франко от союза с Германией» [Chiron 1999, p. 405].

Выводы

Отношение французских националистов к кризисной ситуации в Испании, разрешившейся военным мятежом и гражданской войной, диктовалось: с одной стороны, идеологическими мотивами (исходя из идеи «латинского единства», были «хорошие» и «плохие» испанцы, но не было «хороших» немцев и русских); с другой, соображениями практической политики и их понимания национальных интересов Франции (не помогать «плохим» республиканцам, не конфликтовать с «хорошими» националистами, имевшими большие шансы на победу). Считая войну с Германией фатально неизбежной и стремясь отсрочить ее с целью дать Франции возможность подготовиться, Моррас и его союзники стремились предотвратить конфликты с Италией и Испанией, чтобы обеспечить безопасность границ в Альпах и Пиренеях и связь метрополии с североафриканскими владениями. Идеологически мотивированная политика французского Народного фронта, непримиримыми врагами которого были националисты, могла провоцировать такие конфликты. Второй задачей

националистов было не допустить союз Испании с Германией (в отношении Италии такую возможность они считали упущенной), используя франкофильские симпатии окружения каудильо. Третьей задачей было предотвратить усиление влияния «красных», особенно коммунистов, в самой Франции. Конечной целью и главным приоритетом была безопасность страны, как ее понимали националисты.

Список литературы

- Риббентроп И. фон (1996) Между Лондоном и Москвой. М.: Мысль.
- Allison Peers E. (1937) *The Spanish Tragedy, 1930–1937. Dictatorship, Republic, Chaos, Rebellion, War*, New York: Oxford University Press.
- Aron R. (1954) *Histoire de Vichy. 1940–1944*, Paris: Arthème Fayard.
- Bainville J. (1935) *Les Dictateurs*, Paris: Denoël et Steele.
- Brasillach R. (1968) *Une Génération dans l'Orage. Mémoires. Notre avant-guerre. Journal d'un homme occupé*, Paris: Plon.
- Brasillach R. (1969) *Histoire de la Guerre d'Espagne*, Paris: Plon.
- Brassié A. (1987) *Robert Brasillach, ou Encore un Instant du Bonheur*, Paris: Robert Laffont.
- Chiron Y. (1999) *La vie de Maurras*, Paris: Godefroy de Bouillon.
- Dioudonnat P.-M. (1973) «Je Suis partout», 1930–1944. *Les Maurrasiens devant la Tentation Fasciste*, Paris: La Table Ronde.
- Gamelin [Général] (1946) *Servir. [Tome] II. Le Prologue du Drame (1930 – août 1939)*, Paris: Plon.
- Havard de la Montagne R. (1950) *Histoire de l'Action Française*, Paris: Amiot-Dumont.
- Héricourt P. (1936) *Pourquoi Franco Vaincra*, Paris: Baudiniere.

Héricourt P. (1939) Pourquoi Franco a Vaincu, Paris: Baudiniere.

Massis H. (1939) Chefs, Paris: Plon.

Massis H., Brasillach R. (1936) Les Cadets de l'Alcazar, Paris: Plon.

Maurras Ch. (1943) Vers l'Espagne de Franco, Paris: Le livre moderne.

Montigny J. (1966) Le Complot contre la Paix. 1935–1939, Paris: La Table Ronde.

Serrano Suñer R. (1947) Entre les Pyrénées et Gibraltar, Genève: Constant Bourquin.

Toda M. (1987) Henri Massis. Un Témoin de la Droite Intellectuelle, Paris: La Table Ronde.

Weber E. (1964) L'Action Française, Paris: Stock.

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Against Anarchy and Hitler: French Nationalism and Spanish Civil War

Vassili E. MOLODIAKOV

DSc in Politics, PhD in History, Professor

Research Institute for Global Japanese Studies, Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, 108-0074, Tokyo, Japan

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5892-0473

CITATION: Molodiakov V.E. (2019) Against Anarchy and Hitler: French Nationalism and Spanish Civil War. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 166–182 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-166-182

Received: 12.07.2019.

ABSTRACT. *Combination of internal political and social crisis with armed conflict in the neighbour country behind the less dangerous frontier without any possibility of obtaining fastly any real aid from allies is one of the worst possible political scenarios in the time of peace. France faced such a situation in 1936 after her Popular Front's electoral victory and the beginning of military mutiny in Spain provoked by further escalation of internal political struggle. Mutiny developed into civil war that, being local geographically, became a global political problem because it troubled many great powers and first of all France. This article depicts and analyzes position and views on Spanish civil war and its antecedents of French nationalist royalist move-*

ment «Action française» led by Charles Maurras (1868–1952) and her allies in next generations of French nationalists – philosopher and political writer Henri Massis (1886–1970) and novelist Robert Brasillach (1909–1945). All of them from the first day hailed Spanish Nationalist cause and were sure in her final victory so took side against any French help, first of all military, to Spanish Republican government, propagated Franco's political program, denounced Soviet intervention into Spanish affairs and “Communist threat”. Staying for Catholic and Latin unity French nationalists were anxious to prevent Franco's rapprochement with Nazi Germany that they regarded as France's “hereditary enemy” notwithstanding of political regime. Trips of Maurras and

Massis to Spain in 1938 and their meetings with Franco were aimed to demonstrate this kind of unity with silent but clear anti-German overtone. Brasillach's "History of War in Spain" (1939) became the first French overview of the events from Nationalist point of view.

KEY WORDS: France, Spain, Germany, nationalism, civil war, Popular Front, Action française, fascism, intervention

References

- Allison Peers E. (1937) *The Spanish Tragedy, 1930–1937. Dictatorship, Republic, Chaos, Rebellion, War*, New York: Oxford University Press.
- Aron R. (1954) *Histoire de Vichy. 1940–1944*, Paris: Arthème Fayard.
- Bainville J. (1935) *Les Dictateurs*, Paris: Denoël et Steele.
- Brasillach R. (1968) *Une Génération dans l'Orage. Mémoires. Notre Avant-guerre. Journal d'un Homme Occupé*, Paris: Plon.
- Brasillach R. (1969) *Histoire de la Guerre d'Espagne*, Paris: Plon.
- Brassié A. (1987) *Robert Brasillach, ou Encore un Instant du Bonheur*, Paris: Robert Laffont.
- Chiron Y. (1999) *La Vie de Maurras*, Paris: Godefroy de Bouillon.
- Dioudonnat P.-M. (1973) "Je Suis Partout", 1930–1944. *Les Maurrasiens devant la Tentation Fasciste*, Paris: La Table Ronde.
- Gamelin [Général] (1946) *Servir. [Tome] II. Le Prologue du Drame (1930 – août 1939)*, Paris: Plon.
- Havard de la Montagne R. (1950) *Histoire de l'Action Française*, Paris: Amiot-Dumont.
- Héricourt P. (1936) *Pourquoi Franco Vaincra*, Paris: Baudiniere.
- Héricourt P. (1939) *Pourquoi Franco a Vaincu*, Paris: Baudiniere.
- Massis H. (1939) *Chefs*, Paris: Plon.
- Massis H., Brasillach R. (1936) *Les Cadets de l'Alcazar*, Paris: Plon.
- Maurras Ch. (1943) *Vers l'Espagne de Franco*, Paris: Le livre modern.
- Montigny J. (1966) *Le Complot contre la Paix. 1935–1939*, Paris: La Table Ronde.
- Ribbentrop J. Von (1996) *Between London and Moscow*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Serrano Suñer R. (1947) *Entre les Pyrénées et Gibraltar*, Genève: Constant Bourquin.
- Toda M. (1987) *Henri Massis. Un Témoin de la Droite Intellectuelle*, Paris: La Table Ronde.
- Weber E. (1964) *L'Action Française*, Paris: Stock.